
Кира Роуз
Развод.
Ты три года скрывал,
что мы разведены

Кира Роуз

Развод. Ты три года скрывал, что мы разведены

https://litres.ru/74741192

Аннотация

— Согласие супруга на сделку не нужно, — спокойно говорит нотариус. — По данным реестра вы уже состояли в разводе. Второе октября, три года назад.

Я смотрю на экран, где черным по белому написано, что мой счастливый брак давно расторгнут. Но как? Ведь сегодня утром муж целовал меня перед работой и доедал мой завтрак.

Оказалось, двадцать три года брака были иллюзией. Мой муж тайно развелся со мной, подставил нашу юную дочь с судебной повесткой и три года планомерно распродавал мою недвижимость за моей спиной.иА теперь уже разослал приглашения на свою новую свадьбу.

Он думает, я проглочу ложь и подпишу нужные ему бумаги ради подачек. Но он не учел одного: я не удобная бывшая. И я заберу свое.

В тексте есть: #тайный_развод #предательство #циничный_муж #сильная_героиня #раздел_имущества #ХЭ

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

Глава 1. Вы разведены 4
Глава 2. Три года с бывшим мужем 11
Глава 3. Что изменилось? 18
Глава 4. Моя дочь получила мою повестку 25
Глава 5. Ты дождался моего совершеннолетия? 32
Глава 6. Муж Вероники 39
Глава 7. Она сидела за моим столом 45
Глава 8. Доверенность 52
Глава 9. Аренда мёртвого помещения 59
Глава 10. До завтра 66
Глава 11. Двадцать четыре часа 73
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Глава 1. Вы разведены

— Согласие Антона Викторовича вам не требуется, — говорит нотариус и поворачивает монитор чуть в сторону, будто от этого спокойная фраза станет понятнее. — На дату приобретения квартиры ваш брак уже был расторгнут.

Я успеваю подумать, что ослышалась. В кабинете тихо гудит кондиционер, за неплотно закрытой дверью помощница предлагает кому-то чай, а передо мной лежит договор продажи маминой квартиры с жёлтыми закладками на каждой странице. Всё на своих местах. Только женщина напротив зачем-то сообщает мне, что я почти три года не замужем.

— Нет, — говорю я и даже улыбаюсь. — Вы не того Антона посмотрели. Крылов Антон Викторович, двадцать третье ноября семьдесят девятого года.

— Я вижу дату рождения. — Елена Павловна не раздражается, хотя до этого я дважды просила исправить одну цифру в номере счёта. Она снова берёт мой паспорт, сверяет страницу за страницей и придвигает к себе клавиатуру. — Марина Сергеевна, давайте проверим ещё раз.

Я киваю, потому что именно этого и хочу. Пусть проверит. Пусть найдёт вторую Марину Сергеевну Крылову с таким же паспортом, мужем и квартирой, купленной полтора года назад на мои накопления и годовой бонус. У той женщины наверняка есть причина не знать о собственном раз-

воде. У меня — нет.

— Я могу принести согласие сегодня вечером, — напоминаю я. — Антон сейчас на совещании, но к шести освободится. Мы специально не стали его дёргать утром. Вы же сами сказали, что без согласия сделку не удостоверите.

Елена Павловна перестаёт печатать. До этой минуты она смотрела в монитор, теперь внимательно смотрит на меня.

— Я сказала: если квартира приобретена в браке, потребуется нотариальное согласие супруга. Но по данным реестра актов гражданского состояния на момент покупки вы уже состояли в разводе. Поэтому согласие бывшего супруга не нужно.

Слово «бывшего» царапает сильнее, чем вся остальная нелепица. Я снимаю очки, протираю их салфеткой из сумки и снова надеваю. На экране от этого ничего не меняется: белая форма, чёрные строчки, наши фамилии.

— Покажите дату.

Нотариус на секунду задерживает ладонь на мышке.

— Второе октября, три года назад. Решение суда вступило в законную силу в этот день.

— Какого суда?

— Мирового судьи. Здесь указан номер записи, но материалы дела нужно запрашивать отдельно. — Она разворачивает монитор ещё сильнее и показывает строчку курсором. — Если сведения внесены ошибочно, это можно уточнить через органы ЗАГС. Однако для сегодняшней сделки я обя-

зана исходить из того, что есть в системе.

Я наклоняюсь к экрану. Там действительно написано: брак между Крыловым Антоном Викторовичем и Крыловой Мариной Сергеевной прекращён. Основание — решение суда. Дата. Номер. Ни одной опечатки, за которую можно зацепиться.

— Но меня не было в суде.

Елена Павловна убирает руку с мышки. В её лице появляется осторожность человека, который понял: перед ним не рассеянная клиентка.

— Возможно рассмотрение дела в отсутствие одной из сторон, если суд счёл её извещённой. Я не вижу здесь материалов процесса и не могу сказать, как всё происходило. Вам нужно получить копию решения.

— А без моего заявления меня могли развести?

— Через суд — могли, — отвечает Елена Павловна после короткой паузы. — Но вас должны были уведомить.

Я машинально достаю телефон. В списке последних сообщений Антон спрашивает, забронировала ли я столик на субботу, и напоминает купить его отцу лекарства. Вчера вечером мы спорили, какой цвет выбрать для гостевой спальни. Утром он доел мой творог, поцеловал меня у двери и сказал, что вернётся поздно. Бывшие мужья, наверное, тоже иногда доедают творог бывших жён. Но вряд ли три года живут в одной спальне и обсуждают новый шкаф.

— Позвоните ему, — мягко предлагает нотариус.

Палец уже лежит на имени Антона, но я убираю телефон обратно в сумку.

— Он не мог это сделать.

Фраза звучит так, будто я прошу разрешения оставить её правдой. Елена Павловна не спорит. Она закрывает окно с реестром и возвращает мне паспорт.

— Мы можем перенести сделку. Покупатель предупреждён, что документы проходят проверку. Сначала разберитесь.

Покупатель ждёт в соседнем кабинете. Молодая женщина берёт квартиру для сына, уже перевела задаток и трижды уточнила, останется ли кухонный гарнитур. Ещё полчаса назад меня беспокоило, что она передумает из-за согласия Антона. Теперь я смотрю на жёлтые закладки и не могу вспомнить, зачем вообще хотела продавать эту квартиру именно сегодня.

— Нет, переносить из-за этого не нужно. Если согласие не требуется, оформляем без него.

Нотариус слегка хмурится.

— Вы уверены?

— В том, что квартиру продаю, — да. Она моя, куплена на мои деньги. Во всём остальном разберусь после.

Я слышу в собственном голосе рабочую интонацию. Так я разговариваю с поставщиками, когда диван за четыре миллиона приезжает не того оттенка и клиент уже едет принимать объект. Сначала останавливаю катастрофу, потом поз-

воляю себе злиться. Только сейчас передо мной не диван, и исправить номер партии не получится.

Елена Павловна вызывает помощницу. В кабинет входит покупательница, ставит на край стола стаканчик с остывшим кофе и начинает извиняться за задержку. Я отвечаю, что всё в порядке. Подписываю договор там, где отмечено жёлтым. Проверяю реквизиты. Слушаю объяснение о регистрации перехода права и сама задаю два уточняющих вопроса, чтобы не дать голове вернуться к строчке на экране.

Только когда ручка в очередной раз касается бумаги, замечаю дату под своей подписью. Второе октября. Сегодня годовщина того дня, когда, по сведениям государства, мой брак закончился.

— Марина Сергеевна? — Покупательница протягивает мне ручку, которую я зачем-то забрала себе. — Вы точно хорошо себя чувствуете?

— Да. Простите. Задумалась.

Я отдаю ручку и заканчиваю сделку. Через сорок минут выхожу из нотариальной конторы с папкой документов и ключами, которые надо передать после регистрации. На улице тепло для октября, но мне холодно в тонком жакете. Люди у входа курят, рядом сигналит курьер, а я стою на ступенях и снова открываю телефон.

Второе октября три года назад.

В тот день мы отмечали двадцатую годовщину знакомства. Не свадьбы — мы познакомились осенью, на дне рож-

дения общей приятельницы, и Антон почему-то всегда помнил эту дату лучше меня. Он сам заказал столик в ресторане на набережной. Подарил серьги, которые я сейчас ношу. После ужина мы долго шли до машины, потому что он выпил вина и не хотел садиться за руль сразу.

Я захожу в галерею и в строке поиска ставлю нужную дату. Телефон выдаёт десятки снимков: образцы ткани с работы, экран с проектом спальни, селфи Лизы из общежития. Потом — ресторан.

На первой фотографии Антон сидит напротив меня в тёмно-синей рубашке и поднимает бокал. Снимала официантка, поэтому мы оба смотрим в объектив. На второй я держу открытую коробочку с серьгами, а он смеётся, потому что я не могу справиться с застёжкой. На третьей мы уже на улице. Антон обнимает меня одной рукой, другой держит мой шарф, который я сняла из-за тёплого ветра.

Я увеличиваю снимок. Его обручальное кольцо хорошо видно. Моё тоже.

Через несколько часов после этой фотографии мы вернулись домой. Дети разъехались, дом был пустой, и Антон открыл то самое вино, которое мы не допили в ресторане. Я помню его ладонь на моей талии. Помню, как он снял с меня новые серьги, чтобы я не потеряла их в постели. Утром принёс кофе и пожаловался, что в нашем возрасте годовщины посреди рабочей недели — плохая идея.

Телефон едва не выскальзывает из пальцев. Я прижимаю

его к папке, захожу обратно под козырёк и ещё раз смотрю на дату фотографии.

К этому вечеру решение суда уже вступило в силу.

Антон сидел напротив меня, дарил серьги, держал за руку и точно знал, что я ему больше не жена.

Глава 2. Три года с бывшим мужем

Я продолжаю смотреть на фотографию, пока экран не гаснет. Моё отражение ложится поверх лица Антона: бледное, растерянное, с растёкшейся у уголка губ помадой. Утром я красилась в машине, потому что опаздывала к нотариусу, и думала только о договоре. Сейчас хочется вернуться в то утро и предупредить себя, чтобы не открывала реестр.

Нет. Это уже сделано без меня. Закрытый экран ничего не исправит.

Я забираюсь в машину и пристраиваю папку на пассажирском сиденье. Она соскальзывает, бумаги вылезают из файла, и я зачем-то сначала аккуратно заправляю их обратно. Потом звоню в справочную суда. Робот дважды предлагает мне то, чего я не понимаю, и наконец соединяет с живым человеком. Девушка просит номер участка.

— Я не знаю номер участка. Я сегодня узнала, что меня развели.

— Тогда адрес. Какой у вас был адрес три года назад?

Я называю. Сначала нынешний — мы живём там уже двенадцать лет, — потом понимаю, что она спрашивает место регистрации. Приходится открывать фотографию старого паспорта и диктовать улицу по слогам. Девушка клацает клавишами и просит не класть трубку.

— Нашла участок. Записывайте. И лучше приходите с

паспортом, там в канцелярии дадут заявление на ознакомление.

— Само решение можно запросить через канцелярию, — добавляет она. — Но по телефону содержание дела вам не сообщат.

— Истец Антон Крылов?

— По телефону я вам это не скажу. Даже если вижу. Правила такие.

Я записываю адрес на обороте нотариальной памятки. В канцелярии уже закончился приём; если ехать сейчас, упрусь в закрытую дверь. Через час у меня заказчик, в офис добираться пятнадцать минут. Смотрю на часы, будто они способны подсказать, что люди делают в понедельник, когда обнаруживают собственный развод.

На работе пахнет свежей краской: в шоуруме обновляют стенд с кухнями. Оля ловит меня прямо у лифта — итальянцы опять перенесли поставку камня. Я прошу подготовить клиенту два варианта замены и слышу собственный обычный голос. На третьем этаже дизайнеры спорят из-за светильников, из общей кухни тянет разогретой рыбой. Я даже успеваю разозлиться на неизвестного любителя скумбрии, и это помогает пройти до кабинета, не расплакавшись у всех на виду.

Почти.

— Марина Сергеевна, вам согласовать спецификацию до встречи? — спрашивает помощница, заглядывая в кабинет.

Я открываю файл, смотрю на таблицу и понимаю, что трижды прочитала одну строку.

— Дай мне двадцать минут. Потом зайдёшь.

Когда дверь закрывается, я открываю госуслуги. Перебираю уведомления, архив заявлений, старые адреса, потом проверяю электронную почту — основную и ту, которую завела для квитанций. Из суда ничего. О разводе ничего. Только напоминание оплатить налог и акция магазина, где мы с Антоном покупали матрас.

Я набираю в поиске «как получить решение суда», стираю и отключаю синхронизацию с домашним ноутбуком. После этого замираю, держа ладонь на мышке. Почему я вообще боюсь, что Антон увидит запрос? Ему разрешено три года знать, а мне — даже искать нельзя? Вот тут меня наконец пробирает злость. Небольшая пока, очень деловая. Такая злость не бьёт посуду. Она заводит отдельную папку и сохраняет туда всё подряд.

Открываю отдельное окно и ищу.

Карточку дела нахожу через полчаса. Истец — Крылов А. В. Ответчик — Крылова М. С. Расторжение брака. Заседание прошло без меня, решение вступило в силу. Я читаю сведения о движении дела, но там одни даты и названия процедур. Как меня извещали, зачем Антону понадобился развод, что он написал в заявлении — ни слова.

Я сохраняю страницу в телефон. Потом всё-таки провожу встречу с заказчиком. Женщина выбирает текстиль для

квартиры дочери и десять минут объясняет, почему муж не должен знать настоящую стоимость штор. Раньше я бы улыбнулась. Сегодня уточняю бюджет и показываю ткань, не поддерживая шутку.

После встречи запираю кабинет. Достаю телефон и отматываю фотографии к тому году.

В ноябре, уже после развода, у Данила день рождения. На видео Антон несёт торт, свечи едва не гаснут, и он орёт сыну через комнату: «Только машину не загадывай, не потяну!» В декабре мы встречаем Новый год. Лиза снимает стол, бокалы, мою запёкшуюся утку. Антон влезает в кадр сзади, кладёт подбородок мне на макушку: «Моя красавица опять всех накормила». Весной мы летим в Турцию. На одном снимке его книга лежит у меня на коленях, на другом моя шляпа натянута ему до бровей.

Я листаю дальше и всё жду, что сейчас увижу разрыв. Вот здесь он отодвинется на фотографии. Здесь перестанет ездить со мной к своей матери. Или хотя бы забудет, какой кофе я пью.

Но попадается другое. Антон звонит из магазина и ворчит, что моего творога опять нет. Мы ругаемся из-за ремонта в спальне: я хочу светлую стену, он называет её больничной. Потом красит сам, в старой футболке Данила, и оставляет валиком полосу на потолке. В тот год мама болела, Лиза поступала, у Антона горел новый проект. Иногда мы неделями говорили только о лекарствах, деньгах и том, кто встретит

сантехника. Я считала это тяжёлым периодом. Оказывается, в тяжёлом периоде я была одна, а у него имелась ещё и тайна.

В переписке семимесячной давности — наша годовщина. Антон уехал на объект, я написала, что шампанское без него открывать не буду. Он прислал свои грязные ботинки на фоне бетонного пола: «Потерпи до завтра. Люблю тебя, жена».

Я увеличиваю сообщение, хотя и так всё вижу. «Жена». Семейные праздники ещё можно было бы свалить на детей, ресторан — на привычку или трусость. Это слово он выбрал сам. Напечатал восемь букв и нажал «отправить».

Помощница стучит и напоминает о спецификации. Я исправляю две позиции, отправляю поставщику письмо и отпускаю её домой. В половине шестого от Антона приходит: «Буду к девяти. Закажи что-нибудь поесть?» Будто я уже дома, открыла приложение и выбираю ему лапшу или стейк.

Пишу: «Хорошо». Стираю. Набираю: «Сам закажи». И это стираю тоже. В конце концов кладу телефон экраном вниз. В сорок три года можно позволить взрослому мужчине самостоятельно найти ужин, даже если до сегодняшнего утра ты считала его мужем.

К семи в офисе остаются охранник и я. Спускаюсь в кафе на первом этаже, беру чай и сажусь возле окна. Сахар забываю, чай горчит, но идти обратно к стойке лень. За соседним столом женщина никак не попадает рукой в рукав пальто, мужчина придерживает воротник и смеётся. Она толкает его локтем. Я смотрю дольше, чем прилично, пока женщина не

замечает меня.

На экране по-прежнему его вопрос про еду. Можно набрать и заорать прямо отсюда. Можно дождаться дома, поставить перед ним распечатку, посмотреть в лицо. Я перебираю эти варианты и понимаю только одно: предупреждать его нельзя. Если запись ошибочная, он удивится. Если нет, начнёт подбирать объяснение. Антон умеет готовиться к трудным разговорам — тезисы, удобная последовательность, спокойный тон. Я не хочу слушать подготовленного Антона.

В восемь я всё-таки сдаюсь. Выхожу на парковку, сажусь за руль и набираю его номер. Он отвечает после шестого гудка. Кто-то рядом просит передать соус, звякает посуда.

— Марин, я на ужине с партнёрами. Что-то срочное?

Вот так он и говорит со мной каждый день: мягко проглатывает последнюю букву моего имени, чуть растягивает «срочное». Утром тем же голосом напомнил забрать пиджак из химчистки.

— Срочное. — Я кладу телефон на громкую связь, потому что пальцы начинают мерзнуть, хотя в машине тепло. — Антон, мы разведены?

За его спиной мужчина договаривает какую-то историю, несколько человек смеются. Антон молчит. Секунда. Ещё одна. Сейчас он переспросит, решаю я. Сейчас скажет, что я несу ерунду.

— Марин… — Шум отдаляется; видимо, он вышел из-за стола. — Давай вечером.

— Я спросила, мы разведены?

Хлопает дверь. Он шумно втягивает воздух, и когда отвечает, голос уже без мягкости:

— Я буду дома через час. Только ничего не делай до моего приезда, хорошо?

Он отключается. На экране снова появляется фотография с нашей годовщины — я так и не закрыла галерею. Антон там держит меня за руку и улыбается Лизе, которая снимает.

Человек, впервые услышавший о собственном разводе, не просит жену сидеть тихо до его приезда.

Антон попросил именно об этом.

Значит, он знал. Все три года — знал.

Глава 3. Что изменилось?

После звонка Антон приезжает через сорок минут, а не через час. Я слышу, как открываются гаражные ворота, потом хлопает дверца машины. Всё это время сижу на кухне перед нетронутой коробкой с доставкой, которую он всё-таки заказал сам. Запах чеснока и горячего хлеба успел пропитать комнату, и от него мутит.

Антон входит без пиджака, с расстёгнутым воротом рубашки. Обычно он первым делом моет руки, переодевается, спрашивает, как прошёл день. Сегодня останавливается в дверях и несколько секунд рассматривает меня, будто пытается понять, сколько я уже знаю.

— Откуда?

Ни приветствия, ни попытки сыграть удивление. Я закрываю крышку ноутбука, на котором оставила открытой карточку судебного дела.

— Продавала квартиру. Нотариус сказала, что согласие бывшего мужа мне не нужно.

Антон проходит к столу и кладёт телефон рядом с коробками. На безымянном пальце у него обручальное кольцо. Я видела его утром, но тогда оно ничего не доказывало. Теперь оно кажется частью костюма, который он забыл снять перед возвращением домой.

— Я собирался поговорить с тобой, — произносит он, не

садясь. — Просто хотел выбрать нормальный момент.

— За три года ни одного не нашлось?

Он морщится, словно я сразу делаю разговор труднее, чем нужно.

— Марин, давай спокойно. Я понимаю, как это выглядит.

— Не думаю. Если бы понимал, не начал бы с того, как это выглядит.

Я открываю ноутбук и разворачиваю его экраном к Антону. В свете лампы его лицо выглядит усталым, у виска блестит пот. Он не наклоняется к экрану. Номер дела ему не нужен.

— Ты подал заявление после Лизиного дня рождения, — говорю я. — Через четыре дня после того, как ей исполнилось восемнадцать. Это совпадение?

Антон наконец садится, отодвигает коробку с ужином и проводит ладонью по столу, собирая невидимые крошки. Так он всегда выигрывает секунды перед неприятным ответом.

— Я ждал её совершеннолетия. Не хотел втягивать детей в развод.

— Данилу уже был двадцать один. Лиза поступила в университет и жила в общежитии. В какую часть развода ты боялся их втянуть?

— Когда родители делят дом и поливают друг друга грязью при детях. Ты сама видела такие разводы. У Лизы поступление на носу было, зачем ей ещё это?

— А мне, значит, тоже незачем. Ты избавил сразу всех.

Антон тянется к стакану, но там пусто. Несёт к крану, наливает воду себе и, подумав, ставит второй передо мной. Я отодвигаю стакан двумя пальцами.

— Мы давно жили каждый своей жизнью, Марин. Работа, дети, дом. Ты своими делами занята, я своими. Годами одно и то же.

— А после суда что изменилось?

— Ничего. В этом и смысл.

Я смотрю на него, ожидая продолжения. Его нет.

— Ты слышишь себя? — спрашиваю я. — Ты сходил в суд, перестал быть моим мужем, потом вернулся домой. И считаешь, что сохранил семью?

— Я никого не бросил.

— Пока речь о другом.

Антон берётся за коробку с пастой и обламывает бумажный уголок крышки. Крошечный белый треугольник остаётся у него на большом пальце.

— Ты сегодня ела? Давай разложу, остынет же.

— Антон, убери еду.

Он счищает бумажку в раковину и послушно закрывает коробку.

— Хорошо. Спрашивай.

— Почему ты не сказал после? Через неделю. Через месяц. За три года не нашлось вечера?

— Когда? У Лизы поступление, Данил только съехал.

Твоя мама после операции, у меня на проекте кассовый разрыв. Потом вроде всё улеглось. Я видел, что разговор разнесёт дом, и каждый раз откладывал. А теперь ты кричишь, как я и ожидал.

Я встаю так резко, что ножка стула скребёт плитку. Антон поднимает глаза, но не двигается.

— Что именно я устраиваю? Сижу на собственной кухне и спрашиваю, почему муж три года скрывал, что он мне не муж?

— Вот этот тон. Обвинения, будто я исчез и бросил тебя без денег. Я остался. Всё эти годы был рядом с тобой и детьми. Ты в чём-то нуждалась? Я хоть раз отказался помочь твоей матери? Перестал вкладываться в дом?

Он говорит не для того, чтобы причинить боль. Хуже: Антон действительно перечисляет доказательства собственной порядочности. Будто прожитые рядом годы засчитываются ему в компенсацию за ложь.

— Ты спал со мной.

Впервые за разговор он отводит взгляд. Не надолго — лишь проверяет экран телефона, на который ничего не пришло.

— Мы оба этого хотели.

— Я хотела спать с мужем.

— Какая разница, что было записано в реестре, когда мы ложились в одну постель? — Антон повышает голос, но сразу берёт себя в руки. — У нас не стало другой жизни после

решения суда. Я не перестал быть рядом.

— Ты перестал быть моим мужем и решил, что мне об этом знать необязательно.

— Юридически — да. Но семья от этого не исчезла.

Я обхожу стол, чтобы увеличить расстояние между нами, и останавливаюсь возле раковины. Там стоит его утренняя чашка. Белая, с тонкой трещиной у ручки. Я давно собиралась выбросить её, а он каждый раз доставал обратно, потому что привык именно к этой. Антон, похоже, так же обращался со мной: отменил, но оставил в шкафу для ежедневного пользования.

— У тебя есть другая женщина?

Он чуть медлит, и этого хватает, чтобы воздух в кухне стал тесным.

— Этот разговор не на пять минут.

— У нас впереди вся ночь. Ты же домой приехал.

Антон встаёт. Теперь стол между нами, и он держится за спинку стула, хотя раньше никогда не искал опоры во время спора.

— Я не хочу говорить с тобой, пока ты в таком состоянии. Ты сейчас любое слово повернёшь против меня.

— А в каком состоянии должна находиться женщина, которая утром была замужем, а к обеду узнала, что три года числится разведённой?

Он устало потирает переносицу.

— Марин, вчера ты была счастлива. Сегодня увидела за-

пись в реестре. Что конкретно в твоей жизни изменилось?

Сказав это, Антон ждёт ответа. В его лице нет насмешки. Он искренне рассчитывает, что я сопоставлю вчера и сегодня и соглашусь: дом тот же, деньги на счетах, дети здоровы, значит, ущерб существует только у меня в голове.

Я подхожу к столу и снимаю обручальное кольцо. Оно застревает на суставе; приходится намылить палец у раковины. Антон следит за мной молча, пока я вытираю руку кухонным полотенцем и кладу кольцо рядом с его телефоном.

— Вчера я думала, что живу с человеком, который выбрал меня двадцать три года назад и продолжает выбирать каждый день. Сегодня знаю: ты три года назад принял решение за нас обоих и оставил мне роль жены, не дав права ею быть. Вот что изменилось.

— Ты драматизируешь.

— А ты переночуешь в гостевой.

Он переводит взгляд на кольцо, потом на меня.

— Если тебе нужно время, я не буду сейчас давить. Но из дома я не уйду. Он наполовину мой, и бегать по гостиницам из-за того, что ты случайно раньше времени увидела документы, я не собираюсь.

«Раньше времени». Два слова выдают больше, чем всё его объяснение. Значит, разговор действительно планировался. Просто после какого-то события, о котором я пока не знаю.

— Я не прошу уйти из дома. Пока. Я прошу выйти из нашей спальни.

Антон собирает телефон, ключи и коробку с пастой. У двери он оборачивается, будто хочет смягчить то, что уже сказал.

— Утром мы поговорим нормально. Когда ты успокоишься.

— Утром я поеду в суд.

Он задерживается на пороге, но не пытается остановить меня. Через минуту наверху хлопает дверь гостевой комнаты. Не входная.

Антон не ушёл из семьи после развода. Не ушёл и теперь, когда я узнала правду. Он просто перенёс вещи в комнату через коридор, уверенный, что по-прежнему сам решает, когда закончится наша общая жизнь.

Глава 4. Моя дочь получила мою повестку

Дверь гостевой закрывается, а я ещё долго стою на кухне рядом с его нетронутым ужином. Потом убираю коробки в холодильник — не потому, что забочусь об Антоне, а потому, что запах уже впитался в волосы. Наверх не поднимаюсь. В кабинете есть диван, и сегодня он кажется безопаснее нашей кровати.

Утром мы не разговариваем. Когда я выхожу из душа, в гараже уже нет машины Антона. На кухне остаются вымытая чашка и записка: «Буду вечером. Не принимай решений одна». Я фотографирую её и кладу в папку вместе с договором продажи квартиры. Возможно, ещё вчера выбросила бы бумажку, не задумываясь. Сегодня не хочу терять ни одного доказательства того, каким тоном он распоряжается моей жизнью.

В судебный участок приезжаю к открытию. В узком коридоре пахнет мокрыми пальто и дешёвым кофе из автомата. Перед канцелярией уже ждут трое: мужчина с папкой алиментов, пожилая женщина и девушка, которая шепчется с адвокатом. Я сажусь на свободный стул и заполняю заявление на ознакомление с делом, в котором три года назад была ответчиком.

Сотрудница канцелярии проверяет паспорт и просит подождать. Потом приносит тонкую папку с номером на обложке.

Тонкую. Двадцать три года брака поместились в неё без труда.

— Фотографировать можно? — спрашиваю я, включая камеру.

— Можно, только листы не расшивайте, — женщина придвигает мне папку и указывает на стол у окна. — Если понадобится заверенная копия решения, подадите отдельное заявление.

Иск занимает несколько страниц. Антон написал, что совместная жизнь прекращена, общего хозяйства мы не ведём, примирение невозможно. На дату подачи я жила у мамы в другом городе после её операции. Каждое утро звонила ему, вечером рассказывала, как мама встаёт с кровати и сколько шагов прошла по коридору. Он спрашивал, нужны ли деньги, обещал приехать на выходные, однажды действительно приехал и привёз мне чистую одежду.

В те же недели он сообщал суду, что наша семья распалась.

Я фотографирую лист за листом. В деле есть конверты, отметки, протокол заседания. Суд направлял извещения по нашему настоящему адресу. Не по старой квартире и не туда, где я никогда не жила. Один конверт вернулся по истечении срока хранения. На корешке другой повестки стоит отметка

о вручении взрослому члену семьи для передачи адресату.

Подпись короткая, неровная. Фамилия: Крылова.

Я приближаю фотографию на телефоне. Внизу указано имя получателя — Елизавета Антоновна. Дата приходится на неделю после её восемнадцатилетия.

Стул подо мной скрипит. Сотрудница канцелярии поднимает голову, но ничего не говорит.

Лиза получила мою повестку.

Первой мыслью становится настолько страшное, что я отказываюсь произносить её даже про себя. Дочь не могла знать. Восемнадцать лет, первый месяц в университете, общежитие, новые друзья — она приезжала домой на выходные и вечно что-то забывала. Но подпись стоит здесь. Если Лиза передала письмо мне, я бы запомнила конверт из суда. Значит, не передала.

Я дочитываю дело до конца. Антон просил рассмотреть иск без него. Суд дал срок на примирение, направил ещё одно извещение, потом расторг брак. Никто не выяснял, почему женщина после двадцати трёх лет семейной жизни не пришла ни на одно заседание. На бумаге всё выглядит буднично: была уведомлена, возражений не представила.

Возражений я не представила, потому что лечила маму и считала истца своим мужем.

В машине звоню Лизе. Она отвечает сонным голосом: по вторникам первая пара только к полудню.

— Ты дома?

— Да. Мам, что случилось? Ты обычно в это время уже на работе.

— Мне нужно тебя увидеть. Я приеду через двадцать минут.

Она начинает спрашивать, но я обещаю всё объяснить на месте и отключаюсь. До её съёмной квартиры добираюсь за пятнадцать. Лиза встречает меня в домашних шортах и растянутой футболке отца, которую забрала после прошлогоднего отдыха. Увидев папку в моих руках, сразу перестаёт улыбаться.

— С бабушкой что-то?

— С бабушкой всё нормально. Можно войти?

В маленькой кухне на подоконнике сохнет кружка, рядом раскрыт учебник. Я отодвигаю стул, но не сажусь. Если Лиза знала, я не представляю, как начать. Если не знала, сейчас разрушу для неё отца теми же документами, которыми он разрушил для меня мужа.

— Мы с папой официально разведены почти три года, — говорю я без подготовки. — Я узнала вчера.

Лиза смотрит на меня, потом качает головой.

— В смысле разведены? Вы же вчера вместе были.

— Он подал заявление через четыре дня после твоего восемнадцатилетия. Пока я была у бабушки.

Дочь медленно садится. Она не спрашивает, шучу ли я. Наверное, моё лицо отвечает раньше.

— Папа тебе сказал?

— Нотариус. А сегодня я забрала дело из суда.

Я достаю телефон и открываю фотографию корешка. Подойти к Лизе приходится самой: она не берёт аппарат, только наклоняется к экрану.

— Здесь твоя подпись?

Она долго увеличивает изображение, проводит пальцем по фамилии. Потом отодвигается так резко, что задевает коленом стол. Кружка на подоконнике дребезжит.

— Похожа. Я так расписывалась раньше, до паспорта всегда хвост длинный делала. Но я не помню… Мам, я бы не стала от тебя скрывать.

— Постарайся вспомнить. Это было осенью. Ты только поступила. Я жила у бабушки после операции, а ты приезжала домой из общежития.

Лиза закрывает глаза. Я вижу, как она перебирает те дни: пары, электрички, сумку с грязной одеждой, отца в нашем доме. Мне хочется подсказать правильный ответ, но правильного у меня нет.

— Был конверт, — наконец произносит она. — Кажется, из суда. Я ещё испугалась, спросила папу, что случилось. Он сказал, это по твоему помещению. Какие-то документы, которые он давно ждёт.

Я опираюсь ладонью о стол. Первое помещение тогда ещё принадлежало мне; объяснение звучало достаточно правдоподобно, чтобы восемнадцатилетняя Лиза не задавала вопросов.

— Что ты сделала с конвертом?

Дочь смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Отдала ему. Папа сказал, что сам передаст тебе вместе с остальными бумагами. — У неё срывается голос. — Мам… это я ему отдала?

Я обхожу стол и сажусь рядом. Лиза втягивает голову в плечи, будто ждёт обвинения, и во мне наконец что-то встаёт на место. Из нас двоих она была ещё беззащитнее: только стала совершеннолетней, доверяла отцу и понятия не имела, что держит в руках.

— Посмотри на меня. Это не ты меня развела. Ты получила письмо и передала взрослому человеку, который обещал отдать его адресату. Ответственность на нём.

— Но если бы я позвонила тебе…

— Ты не обязана была проверять собственного отца. Я тоже двадцать три года не проверяла.

Лиза прижимается ко мне, и я чувствую, как она дрожит. Несколько минут мы сидим на тесной кухне, среди учебников и немытой посуды. Потом она отстраняется, вытирает щёки краем папиной футболки и снова смотрит на фотографию.

— Он подал после моего дня рождения?

— Через четыре дня.

— И сам забрал повестку?

Я киваю. Лиза молча открывает список контактов. Нахожу взглядом имя «Папа» на экране и накрываю её телефон

ладонью.

— Не звони, если делаешь это ради меня.

— Я делаю ради себя. — Она убирает мою руку, но номер пока не нажимает. — Он сказал, что защищал меня от всех проблем. Хочу услышать, как он объяснит, зачем использовал мою подпись.

Вчера я ещё могла поверить, что Антон просто не нашёл сил сообщить о решении. Сегодня у меня в телефоне лежит корешок повестки, которую он забрал из рук собственной дочери.

Он не промолчал о разводе.

Он перехватил мою единственную возможность узнать о нём вовремя.

Глава 5. Ты дождался моего совершеннолетия?

Лиза нажимает вызов прежде, чем я успеваю убрать ладонь. Антон отвечает почти сразу. Она включает громкую связь и кладёт телефон на стол между нами, словно не хочет держать отцовский голос у самого уха.

— Лизок, я на встрече. Если не срочно, перезвоню после.

Он говорит тепло, привычно. Я вижу, как дочь на секунду прикрывает глаза: таким папой легче дорожить, чем мужчиной из судебной папки.

— Ты подал на развод через четыре дня после моего дня рождения?

В трубке становится тихо. Потом что-то глухо стукает, голоса на заднем плане отдаляются. Антон явно выходит из комнаты.

— Ты сейчас с мамой?

— Это имеет значение? — Лиза сжимает край стола и смотрит не на телефон, а на меня. — Я спросила про дату.

— Да, — отвечает он после паузы. — Подал после твоего совершеннолетия. Я не хотел, чтобы вас с Данилом втягивали в процесс.

Лиза хмурится. Прямой ответ выбивает из неё заготовленное обвинение, и Антон продолжает уже увереннее:

— Ты поступала, переезжала в общежитие. У бабушки была операция, мама едва держалась. Представь, что началось бы, если бы я объявил о разводе тогда. Вы бы оба оказались между нами.

— Но вы не развелись тогда, — Лиза запинается и поправляет себя: — То есть развелись, но продолжали жить вместе. Зачем?

— Потому что семья — это больше, чем решение суда. Я не собирался бросать вас или лишать привычной жизни. Хотел решить взрослые вопросы без того, чтобы они ударили по детям.

Он произносит именно те слова, которые Лиза может принять. Не лжёт, что дата совпала случайно. Не нападает на неё. Оставляет дочери удобную роль человека, которого отец три года защищал от страшного развода.

— А повестка? — Я слышу, как Лиза старается не расплакаться, и придвигаюсь ближе, но не перебиваю. — Я расписалась за мамину повестку. Ты сказал, что это бумаги по помещению.

Антон молчит чуть дольше.

— Я помню конверт. Ты тогда была вся на нервах из-за первых занятий. Зачем мне было грузить тебя подробностями?

— Ты соврал мне.

— Я избавил тебя от разговора, который ты всё равно не могла изменить. — Его голос смягчается. — Лизок, послу-

шай. Я твой отец. Я люблю тебя и всегда буду любить. То, что сейчас происходит между мной и мамой, не должно заставлять тебя выбирать сторону.

Дочь тянется к кружке, но пальцы задевают ручку, и вода выплёскивается на учебник. Я беру полотенце с батареи и промокаю страницы, давая ей время. Антон слышит возню и зовёт её по имени.

— Я здесь, — отзывается Лиза. — Просто не понимаю, зачем было ждать именно моего дня рождения, если ты всё равно остался с мамой ещё на три года.

— Потому что до восемнадцати любые споры о детях проходят тяжелее. Я хотел закрыть юридический вопрос, когда вы оба уже взрослые. А потом… — Антон замолкает, подбирая слова. — Потом не было необходимости ломать то, что работало.

Я выжимаю полотенце над раковиной. Он снова называет нашей семьёй механизм, который работал для него. Я была в нём женой, Лиза — доказательством благородной жертвы, Данил — взрослым сыном, перед которым можно сохранить лицо.

— Ты собирался когда-нибудь сказать? — спрашивает дочь.

— Конечно. Я уже говорил маме, что собирался. Но она случайно узнала раньше, и сейчас у неё шок. Не делай выводов только по тому, что услышишь в первые дни.

Лиза смотрит на меня виновато, будто отец уже поставил

нас на противоположные стороны, хотя вслух просил ничего подобного не делать.

— Мне на пару надо собираться, — произносит она. — Я потом перезвоню.

— Хорошо. И, Лиз… Я не хотел тебя использовать. Правда. Не позволяй маминой обиде убедить тебя в обратном.

Она отключается. Несколько секунд экран ещё светится, потом гаснет. Лиза забирает у меня полотенце и начинает вытирать стол, хотя воды давно нет.

— Он ведь мог правда думать, что защищает нас, — говорит она тихо. — Папа всегда так делал. Помнишь, когда я не поступила на бюджет, он даже дедушке не сказал, чтобы меня не обсуждали?

— Мог думать, — соглашаюсь я. — Но это не давало ему права скрывать от меня суд.

— Я понимаю. Просто… — Она сворачивает мокрое полотенце слишком аккуратным прямоугольником. — Если он всё сделал ради другой женщины, это одно. А если вы давно плохо жили и он боялся скандала, тогда другое.

Мне хочется сказать, что у лжи нет доброй версии. Но у Лизы есть отец, которого она любила двадцать один год, и один разговор не обязан уничтожить это чувство. Я не стану требовать от неё того выбора, от которого Антон только что великодушно освободил.

— Ты можешь не решать сегодня, — отвечаю я. — И можешь любить его, даже если злишься. Это между вами.

Телефон в моей сумке начинает звонить. Данил. Видимо, Лиза успела написать брату ещё до разговора с отцом.

Сын не здоровается:

— Мам, это правда?

Я выхожу в коридор, но Лиза идёт следом. Данил требует показать документы, и я пересылаю ему карточку дела и фотографию повестки. Пока файлы загружаются, он молчит, тяжело дыша в трубку.

— Я сейчас приеду, — наконец говорит он. — Где отец?

— На работе. И ты к нему не поедешь.

— Мам, он три года держал тебя за дуру. Лизку подставил с этой подписью. Я должен с ним поговорить.

— Поговоришь, когда сможешь сделать это без угроз и кулаков. Пока останься там, где находишься.

Данил ругается сквозь зубы. Обычно я пресекаю это сразу, сегодня позволяю ему договорить, а потом повторяю:

— Не приезжай к отцу. Мне не нужен ещё один мужчина, который решит за меня, как разбираться с моей жизнью.

Эта фраза действует. Данил выдыхает и уже тише спрашивает, нужна ли мне квартира, деньги, машина. Он живёт в другом конце города, работает инженером и только недавно выплатил первый взнос за своё жильё. В его готовности спасать меня больше ярости, чем возможностей.

— У меня есть дом, работа и деньги, — напоминаю я. — Мне нужно понять, что произошло. Если понадобится помощь, я скажу.

— А если он начнёт давить?

— Тогда я тоже скажу. Только не устраивай ему разнос у офиса. Обещай.

Данил нехотя обещает и просит не выключать телефон. После звонка Лиза смотрит на меня настороженно.

— Он от папы откажется?

— Данил сейчас злится. Пусть злится. Вы оба имеете право по-разному пережить это.

До её университета мы едем вместе. В машине Лиза несколько раз начинает говорить и замолкает. Перед выходом просит не рассказывать брату, что пыталась понять отца. Я отказываюсь обещать врать, но обещаю не пересказывать их разговор без причины.

— Мам, а ты его ещё любишь? — спрашивает она, уже держась за дверцу.

Вопрос застаёт меня врасплох. Со вчерашнего утра я выясняю даты, звоню в суд, спорю с Антоном. На чувство времени не оставалось.

— Я пока не знаю, что именно любила все последние годы. Мне тоже нужно разобраться.

Лиза кивает и выходит. Я смотрю, как она вливается в поток студентов, а затем достаю телефон. В сообщениях от Антона нет ни извинения, ни просьбы поговорить. Только: «Спасибо, что не настроила Лизу против меня».

Он опять оценивает, насколько удобно я себя веду.

Я блокирую экран, но вопрос дочери остаётся. Если Ан-

тон разводился, чтобы не втягивать детей, почему подал документы с такой поспешностью — через четыре дня после её совершеннолетия? И зачем ещё почти три года возвращался домой, если считал наш брак давно законченным?

За ожиданием должен был стоять кто-то или что-то, ради чего ему требовалась свобода уже тогда.

Глава 6. Муж Вероники

Мысль о том, ради чего Антону понадобилось разводиться три года назад, не отпускает меня до офиса. Я ставлю машину на подземной парковке, беру телефон и вижу сообщение с незнакомого номера.

«Марина Сергеевна, меня зовут Роман Левин. Нам необходимо поговорить об Антоне Викторовиче. Желательно сегодня и без него».

Следом приходит визитка: «Левин Роман Игоревич, генеральный директор». Название логистической компании мне знакомо. Антон пару раз упоминал её владельца, а два года назад мы даже сидели за одним столом на благотворительном вечере. Высокий мужчина с седыми висками, который почти весь вечер отвечал на звонки и извинился перед женой за сорванный отпуск.

Жену звали Вероника.

Я ищу его фотографию в интернете, сравниваю номер с сайтом компании и только после этого отвечаю: «О чём именно?»

Роман перезванивает. Голос у него ниже, чем я помню, и звучит так, будто он уже несколько раз репетировал начало разговора.

— По телефону не хочу. Но вы должны узнать это от меня раньше, чем Антон успеет подготовить версию.

— После вчерашнего у меня аллергия на мужчин, которые решают, когда я должна что-то узнать.

Он принимает выпад без возмущения.

— Справедливо. Тогда коротко: речь о моей бывшей жене Веронике и вашем муже. Если вы уже знаете, я зря вас тревожу.

Стена парковки холодит лопатки через жакет. Я отступаю от машины, чтобы не опираться на неё.

— Я узнала только то, что мой муж три года мне не муж. Где вы предлагаете встретиться?

Через час мы садимся в тихом кафе в деловом центре, где офисы отделены от общего зала стеклянными перегородками. Роман уже ждёт. На нём серый костюм без галстука, перед ним стакан воды и телефон, перевёрнутый экраном вниз. Он встаёт, когда я подхожу, но руку не протягивает. Видимо, не уверен, уместно ли знакомство в нашей ситуации.

— Марина Сергеевна.

— Просто Марина. Я не пришла на переговоры от имени компании.

— Роман. — Он отодвигает для меня стул. — Кофе?

— Нет. Говорите.

Официантка всё равно подходит, и приходится заказать чай. Эти две минуты раздражают, но дают возможность рассмотреть Романа. Он заметно устал: под глазами тени, на подбородке проступила щетина. Не похож на человека, который решил развлечься чужой семейной драмой.

— Вероника сказала мне, что выходит замуж, — начинает он, когда официантка уходит. — За Антона Крылова.

Несколько секунд я слышу только шипение кофемашины за стойкой.

— Моя бывшая жена выходит замуж за вашего мужа, — повторяет Роман, решив, что я не поняла.

— Бывшего мужа, — поправляю я. — Официально уже почти три года. Я узнала об этом позавчера.

В его лице впервые появляется открытая реакция. Роман перестаёт держать ладонь на стакане и подаётся вперёд.

— Три года? Вы всё это время жили отдельно?

— Сегодня утром Антон уехал из нашего общего дома на работу. Вчера вечером ночевал в гостевой, потому что я выгнала его из спальни. До этого спал рядом со мной.

Роман смотрит на стеклянную перегородку. За ней двое мужчин обсуждают презентацию, водя пальцами по экрану ноутбука. Он будто проверяет, осталось ли снаружи что-то обычное.

— Вероника говорила, что ваш брак давно закончился, — произносит он. — Я считал, вы разведены и разъехались. Не знал точной даты, но… не три года назад.

— Откуда вы вообще узнали про свадьбу?

— От дочери. Вероника вчера прислала Асе приглашение, попросила прийти. Мне написала отдельно, что хочет избежать слухов и поэтому сообщает лично. — Он сдвигает телефон, но не открывает экран. — Два месяца назад она съе-

хала от меня. Мы официально развелись ещё раньше.

Официантка приносит чай. Я жду, пока она поставит чашку и уйдёт, хотя Роман уже собирается продолжить.

— Вы знали о своём разводе? — спрашиваю я.

— Разумеется. Мы оба подали заявление. Вероника сказала, что больше меня не любит и устала жить с человеком, которого никогда нет дома. — Он безрадостно усмехается. — Часть претензий была заслуженной. Я не стал держать её силой.

— Тогда почему она съехала только два месяца назад?

Роман проводит пальцем по влажному следу от стакана. На прямой вопрос он отвечает не сразу, и я понимаю: подробность до сих пор унижает его.

— После подачи заявления она сказала, что мы, возможно, поспешили. Мы пытались… продолжать. Я думал, штамп действительно не главное, если оба хотят восстановить отношения. Оказалось, хотел только я.

Чашка обжигает пальцы, и я выпускаю её. На блюдце выплёскивается чай. Роман придвигает мне салфетки, я вытираю лужицу и замечаю, что он тоже пришёл сюда в рабочей одежде: рубашка помята под ремнём безопасности, на манжете синяя черта от ручки. Видимо, письмо мне не было запланировано заранее.

— Почему сегодня? — спрашиваю я. — Приглашения наверняка разослали не пять минут назад.

— Вчера вечером. Дочь переслала мне фотографию и

спросила, пойду ли я. Там фамилия Антона. — Роман подбирает со стола сахарный пакетик, вертит, кладёт обратно. — Мы пересекались по работе, я видел его с вами. Давно, не один раз. Поэтому слова Вероники о том, что их отношения начались уже после нашего расставания, внезапно показались мне… удобными.

— А мой развод должен подтвердить её версию?

— Я был уверен, что вы о нём знаете. До вчерашнего дня.

Он говорит спокойно, и меня это задевает. Хочется спросить, составляет ли он после каждого семейного краха таблицу с датами. Но передо мной человек, которому тоже врали дома, и я проглатываю колкость.

— Допустим, даты не сойдутся. Что тогда?

Роман пожимает плечом, хотя ответ у него явно готов.

— Тогда при разговоре со мной ей придётся придумать что-нибудь новое. Я хотя бы услышу, где именно изменится история.

Я нахожу в телефоне карточку дела и протягиваю аппарат через стол. Он сначала читает дату, потом увеличивает фамилии и надолго замирает над экраном.

— В это время Антон приезжал к нам домой, — говорит он наконец. — Мы отмечали юбилей компании. Он сидел рядом со мной, пил мой коньяк. Вероника сама предложила его пригласить, сказала, что он важный партнёр.

Он возвращает телефон и впервые за встречу берёт стакан. Воды там осталось на один глоток, но Роман не пьёт.

— Вы уверены, что между ними уже тогда что-то было? — спрашиваю я.

— Сегодня утром я был уверен только в том, что моя бывшая жена выходит за знакомого мне мужчину через несколько месяцев после развода. Теперь знаю, что он три года создавал дома видимость брака и почему-то ждал. — Роман ставит стакан с таким усилием, что лёд ударяется о стенки. — Вероника всё это время тоже просила меня ещё немного потерпеть и не торопить её.

В памяти всплывает благотворительный вечер. Вероника сидела через два стула от меня, рассказывала о дочери и хвалила Антонов новый проект. Потом попросила мужа сфотографировать нас всех вместе.

Мой бывший муж обнимал меня за плечи. Рядом стояла его будущая жена. Фотографировал нас человек, которого они тоже обманывали.

Роман тогда пожал Антону руку, не зная, что впускает в дом мужчину Вероники.

Глава 7. Она сидела за моим столом

Роман всё ещё держит пустой стакан, а я открываю галерею. Фотографии с благотворительного вечера находятся по дате: сцена, ведущий, столы под белыми скатертями. На одном снимке мы стоим вчетвером. Антон обнимает меня за талию, Вероника придерживает мужа под локоть. Все улыбаются человеку с камерой.

— Это было два года назад, — говорю я и придвигаю телефон к Роману. — Они уже встречались?

— Не знаю. — Он рассматривает фотографию без желания коснуться экрана. — Если верить тому, что Вероника сказала вчера, да. «Несколько лет», без точной даты.

— И вы не спросили?

Роман поднимает на меня глаза. Раздражение, которое он до сих пор удерживал, наконец прорывается в голос.

— Я спросил. Она ответила, что не обязана отчитываться перед бывшим мужем о личной жизни. После этого прислала приглашение дочери. Поэтому я здесь, а не дома с красивой хронологией от Вероники.

Мне хочется возразить, что спокойствие ему не очень помогает, но собственный вопрос был несправедливым. Я тоже за два дня не получила от Антона ни одного прямого ответа.

— Простите. Я пытаюсь понять, сколько раз видела её рядом с собой и ничего не замечала.

— Я занимаюсь тем же.

Мы снова смотрим на фотографию. У Вероники светлые волосы до плеч, спокойная улыбка, синее платье. Я помню, как она похвалила мои серьги и спросила, давно ли мы с Антоном женаты. Я ответила: двадцать два года. Она сказала, что это редкость и нам повезло.

Тогда я услышала комплимент. Сегодня — проверку, насколько крепкой выглядит семья мужчины, которого она собиралась ждать.

— Она бывала у нас дома, — вспоминаю я. — После того вечера Антон устраивал ужин для подрядчиков. Человек десять, может, двенадцать. Вы тоже должны были приехать, но у вас сорвался рейс.

Роман кивает.

— Вероника поехала одна. Ася была с ней, потому что мы не успели завезти её домой после тренировки.

В памяти всплывает девочка в толстовке, смущённая среди взрослых. Лиза увела её наверх, они заказывали пиццу, пока мы ели рыбу, приготовленную Антоном. Вероника сидела справа от него. Не украдкой, не в углу. За моим столом, на стуле, который я принесла из кабинета, потому что гостей оказалось больше, чем ожидали.

— Она спрашивала, где мы заказывали кухню, — говорю я. — Я ещё водила её по дому. Показала спальню.

Роман резко отодвигает стакан.

— Не надо мучить себя каждой деталью.

— Не указывайте, что мне надо. Этим уже занимается Антон.

— Тогда и вы не решайте, что я хочу скрыть неприятные факты. Я предлагаю сначала отделить их от того, что мы сейчас дорисуем сами.

Он произносит это жёстко, но не свысока. Роман правда боится ошибиться. Возможно, потому что уже ошибся в Веронике и теперь доверяет только датам.

— Хорошо. Факты. Когда Асе исполнилось восемнадцать?

— Четыре месяца назад. Вероника попросила развод примерно через три недели. Сказала, что ждала совершеннолетия дочери, чтобы решение не выглядело бегством из семьи.

Я кладу телефон на стол. Четыре дня после дня рождения Лизы. Три недели после дня рождения Аси. Разница пока слишком велика, чтобы называть это одним планом, но порядок одинаковый.

— Она не могла подать раньше? — уточняю я. — Вы ведь оба согласились.

— Могла. Ася давно жила отдельно, училась. Никаких споров об опеке у нас не было бы и год назад. Я тогда не спрашивал, почему Веронике так важна дата. Мне казалось, она хотя бы в этом думает о дочери.

Последние слова он произносит тише. За сухими фактами

наконец показывается человек, который подписал документы, потому что считал себя виноватым, а потом несколько месяцев ждал возвращения жены.

— Она говорила Асе про Антона?

— Нет. Насколько знаю, до вчерашнего дня Ася считала, что мать живёт одна. — Роман разблокирует телефон и показывает переписку. — Вот её сообщение: «Я встретила человека после того, как мы с твоим отцом решили развестись. Не хотела говорить раньше, чтобы тебя не ранить».

Я читаю дважды. Формулировка аккуратная: «после того, как решили». Не после официального развода и не после фактического расставания. Дату под неё можно подставить любую.

— Ася ответила?

— Спросила, пойду ли я на свадьбу. Я сказал, что не пойду, но ей запрещать не стану.

Он прячет телефон. Я замечаю, что на заставке стоит фотография дочери лет десяти: растрёпанные волосы, два передних зуба ещё не выросли. Лиза в этом возрасте спала с ночником и требовала, чтобы Антон проверял под кроватью чудовищ. Он проверял, смеялся и укрывал её одеялом. Те воспоминания не исчезли из-за судебного решения, поэтому ей так трудно отказаться от версии отца.

— Я позвоню Антону, — решаю я. — Спрошу про Веронику прямо сейчас.

Роман накрывает мой телефон ладонью раньше, чем я

успеваю взять его. Жест выходит слишком уверенным, и я сразу поднимаю на него глаза.

— Уберите руку.

Он убирает.

— Извините. Но если вы спросите, он поймёт, что мы встретились, и подготовит ответы на остальные вопросы.

— Я три года жила в подготовленной им версии. Больше не собираюсь ждать, пока мужчина напротив решит, достаточно ли у меня доказательств для разговора.

Роман откидывается на спинку стула. Между нами появляется то раздражение, которое, наверное, и привело его сюда: ему нужен порядок, мне — действие.

— Тогда спросите. Только заранее решите, что будете делать, если он скажет: «Да, Вероника появилась вчера».

Палец остаётся над именем Антона. У меня пока есть чужое приглашение, несколько фотографий и две похожие даты. Роман прав, и от этого хочется позвонить ещё сильнее.

— Я не обязана следовать вашим правилам.

— Не обязаны. Но если хотите узнать, когда всё началось, дайте мне день поднять собственные документы. Я найду даты её поездок, которые оплачивал. Вы посмотрите свои. Мы сравним, а потом каждый сам решит, с чем идти к бывшему супругу.

— Я не собираюсь расследовать чужую жизнь месяцами.

— Я тоже. Один день, Марина. После этого можете сообщить Антону всё, что считаете нужным.

Официантка подходит спросить, принести ли ещё чай. Я отказываюсь и замечаю, что мой первый давно остыл. С момента сообщения Романа прошло меньше двух часов, но положение опять изменилось: вчера у меня был один человек, который украл развод; сегодня рядом с ним появилась женщина, сидевшая за моим столом.

— Хорошо, — отвечаю я, когда официантка уходит. — До завтра я не скажу, что мы виделись. Но документы по своему имуществу начну проверять сегодня. И если найду что-то, что требует немедленных действий, ждать вас не стану.

— Договорились.

Роман оплачивает свой кофе, я — чай. Он не спорит из вежливости и не пытается изображать спасителя. У выхода мы обмениваемся адресами электронной почты. Уже в лифте он задерживает дверь, прежде чем она закрывается.

— Марина, пока это гипотеза. Не позволяйте ей стать правдой раньше фактов.

— А вы не позволяйте осторожности снова стать удобной слепотой.

Двери сходятся между нами. Я остаюсь в кабине одна и смотрю на своё отражение в металлической стене.

Лизе исполняется восемнадцать — через четыре дня Антон подаёт иск. Асе исполняется восемнадцать — через несколько недель Вероника просит развод. Возможно, две совпавшие даты ничего не доказывают.

Но почему-то оба человека, обещавшие беречь детей, на-

чали избавляться от супругов сразу после совершеннолетия дочерей.

Глава 8. Доверенность

Двери лифта открываются на первом этаже, и я сразу звоню коллеге, которая год назад делила имущество после развода. Она даёт номер Натальи Олеговны Соколовой и предупреждает: «Жёсткая, дорогая, зато не обещает чудес».

Мне сейчас нужен человек, который не станет обещать.

В бюро меня принимают на следующий день. В приёмной нет даже свободного крючка для пальто, а в кабинете приходится выбирать между креслом с папками и табуретом, на котором стоит принтер.

— Сейчас, — говорит Наталья Олеговна и сгружает папки на пол. — Садитесь. Что это у нас?

Я неправильно расстёгиваю скоросшиватель. Листы вываливаются, один уезжает под стол. Пока ползаю за ним, бормочу ругательство. Адвокат никак не комментирует, только переворачивает решение суда лицом к себе.

— Отменять хотите?

— Что?

— Развод.

— Господи, нет. Пусть забирает его себе. То есть… — Я сбиваюсь, хотя никакой «её» пока не называла. — Мне нужно имущество проверить.

— Поняла. С извещением потом разберёмся, бумагу эту берегите. Начнём с дома. Год покупки?

В блокноте появляется прямоугольник, разрезанный кривой чертой. Я называю дату, доли, потом вспоминаю машину и два нежилых помещения. Про аптеку на Северной приходится объяснять отдельно: аптека чужая, наша только площадь под ней.

— И офис записан на вас?

— Оба на мне. Антон боялся держать всё на владельце бизнеса. А бухгалтер сказал, что так спокойнее. Мы ещё посмеялись тогда: мол, Марина у нас семейный сейф.

Сейчас рассказывать эту шутку не хочется, но я уже начала и договариваю. Наталья Олеговна лишь ставит рядом с адресами жирные точки.

— Документы мои, — договариваю я. — А занимался всем Антон.

— Антон. Арендаторы, ремонт, бухгалтер — всё он. Мне переводил половину дохода.

— Основание?

— В смысле?

— Доверенность была?

Перед глазами всплывает нотариальная контора и стаканчик кофе, который Антон держал, пока я листала документ. Мы торопились: через сорок минут у меня начиналась встреча. Когда-то он уже продавал объект по моей старой доверенности, но тогда мы заранее выбрали покупателя и вместе решили вложиться в помещение получше.

— Была. На пять лет. Подписала чуть больше четырёх лет

назад.

Ручка Натальи Олеговны перестаёт шуршать по бумаге.

— Где оригинал?

— Забрал Антон. Копия, наверное, дома. Или можно взять у нотариуса.

— Продажа там есть? Получение денег?

— Есть. Кажется, оба пункта. — Я тру пальцем край папки. — Делали широкую, чтобы не дёргать меня с работы, если появится покупатель. Но мы тогда были женаты.

— Развод доверенность автоматически не отменяет, Марина Сергеевна. Если вы сами её не отзывали, срок продолжает идти.

Я открываю банковское приложение. Каждый месяц туда приходит «Северная, аренда 50%» и отдельный перевод по второму помещению. Последний — неделю назад.

— Значит, ничего не продано. Арендаторы платят.

— Проверим по выпискам, — адвокат поворачивает ко мне монитор. — Закажем сведения по обоим объектам. После этого запросим копию доверенности у нотариуса и посмотрим точные полномочия. Пока не предупреждайте мужа.

— Бывшего мужа.

— Тем более. Если есть действующая доверенность, её можно отменить независимо от семейного статуса. Но сначала хочу увидеть, не начались ли сделки, которые потребуют срочной реакции.

Она отправляет запросы, а я отвечаю на вопросы о счетах, машинах, долях Антона в компании. Большую часть цифр знаю приблизительно. Не потому, что он запрещал мне интересоваться. Мы просто двадцать лет делили обязанности: я вела дом, занималась детьми и собственной карьерой, он — налогами и инвестициями. Когда дизайнер спрашивал Антона о поставке итальянской плитки, он звал меня. Когда бухгалтер напоминал о налоге на коммерческое помещение, Антон платил сам.

Наталья Олеговна просит вспомнить нотариуса. Я нахожу в старом календаре запись и звоню прямо из кабинета. Помощница поднимает архив, просит паспортные данные и подтверждает: доверенность выдана на пять лет, срок закончится через семь месяцев. Получить копию смогу лично, но основные полномочия она зачитывает после проверки — управление, сдача в аренду, продажа по цене и на условиях по усмотрению представителя, подписание договоров и получение расчёта.

Последние слова я прошу повторить.

— Антон настоял, чтобы расчёт тоже включили, — вспоминаю я после звонка. — Сказал, иначе в доверенности нет смысла: всё равно придётся приезжать в банк и подписывать бумаги.

— На тот момент вы обсуждали реальную продажу?

— Если найдётся хорошая цена. Мы не собирались срочно избавляться от помещений. Они приносили стабильный

доход.

Пока Наталья Олеговна пишет, я вспоминаю протёкший стаканчик кофе у нотариуса. Антон тогда вытирал крышку салфеткой и поддразнивал меня: поставщикам, мол, доверяю десятки миллионов, а мужу сменить арендатора не даю. Я отшутилась и последние листы пролистала слишком быстро. Это сделала я. Ручку мне никто к пальцам не привязывал.

— Так, хватит себя есть, — обрывает адвокат. — Потом доедите, если останется причина. Сейчас выписки заказываем.

— А если он уже продал?

— Тогда поднимем договор и расчёты. Посмотрим цену, получателя денег, даты. Может, там всё чисто. Может, нет. Без бумаг гадать бесплатно не буду.

— Бесплатно?

— Даже за мой гонорар не буду. Кадастровые номера давайте.

Первый я нахожу сразу, зато второй всё время теряется среди писем бухгалтера. Открываю вложение — смета на ремонт. Ещё одно — страхование. На третьем телефоне всплывает предложение сохранить пароль, и я со злости едва не бросаю его на стол.

— Чудесный собственник, — бормочу я. — Даже номер своей недвижимости не знает.

— Марина Сергеевна, я свой номер телефона не всегда помню. Ищите по адресу.

Совет очевидный, но помогает. В строке поиска набираю «Северная», затем «кадастр», и наконец на экране появляется договор. Наталья Олеговна переписывает цифры в блокнот, дважды сверяется с оригиналом и подчёркивает последнюю.

Наталья Олеговна заказывает две срочные выписки. Сайт принимает оплату не сразу; она ворчит на банк, обновляет страницу и побеждает со второй попытки. Мы ждём.

Телефон дрожит на столе и медленно ползёт к краю. Антон. Я сбрасываю, придерживаю аппарат, читаю сообщение: «Нам всё равно придётся поговорить. Не превращай это в войну».

— Что ему написать?

— А вам обязательно писать?

— Нет.

Так и оставляю. Через минуту он звонит ещё раз, потом прекращает.

Выписка приходит в четырнадцать тридцать семь. Я замечаю время, потому что от ожидания уже дважды пересчитала папки на подоконнике. Их двадцать три. Наталья Олеговна открывает файл, сверяет цифры с теми, что записала от руки, и просит ещё раз назвать номер дома на Северной.

— Сорок два.

— Тогда смотрите сюда.

В строке правообладателя стоит чужая фамилия. Ниже — дата регистрации, два года и два месяца назад. Договор куп-

ли-продажи подписан представителем собственника.

Я читаю всё от начала до конца. Потом ещё раз фамилию. Мужчина мне неизвестен. А дату узнаю: тем летом мы с Антоном были у моря и чуть не поссорились из-за отеля на следующий отпуск.

— Этого не может быть. — Я достаю телефон и открываю переводы. — Вот. Каждый месяц. Северная, аренда пятьдесят процентов. Вчера тоже пришли деньги.

Наталья Олеговна берёт телефон, не касаясь экрана, и просит меня открыть реквизиты отправителя.

Я нажимаю на последний перевод. В строке «от кого» стоит имя, которое я видела тысячи раз.

Антон Викторович Крылов.

Помещение продано больше двух лет назад. Аренды больше двух лет не существует.

Но мой бывший муж всё это время платил мне за неё сам.

Глава 9. Аренда мёртвого помещения

Имя Антона в строке отправителя не меняется, сколько бы я ни обновляла экран. Двадцать четыре перевода, каждый в одно и то же число. Сумма дважды увеличивалась — ровно тогда, когда он сообщал, что договорились об индексации аренды.

— Он даже повышение изображал, — говорю я и открываю перевод полуторагодовой давности. — Позвонил мне, сказал, арендаторы спорили, но он выбил семь процентов. Я ещё похвалила его.

Наталья Олеговна просит переслать ей выписку целиком. Пока файл формируется, она сравнивает даты: помещение продано в июле, первый перевод от самого Антона пришёл в августе. До продажи деньги отправляло юридическое лицо арендатора.

— Здесь уже трудно сказать, что вы просто не интересовались имуществом, — замечает она. — Вам активно создавали впечатление, что объект существует и продолжает приносить доход.

— Для чего? Продал по доверенности, получил деньги. Зачем после этого ещё два года изображать аренду?

— Чтобы вы не полезли проверять. — Наталья Олеговна

загибает палец. — Не спросили о расчёте. Не отозвали вторую доверенность. Может, ещё рассчитывал отодвинуть ваше обращение в суд. Пока это версии. Нужен договор.

Я вдруг вспоминаю про налог и вхожу в личный кабинет. Пароль сохранён, но сайт всё равно требует код; он приходит на старый номер, которым мы пользуемся для семейных платежей. Приходится искать сим-карту в кошельке между скидочными картами.

— Вот уведомления. Здесь оба помещения одной суммой.

Два года назад сумма уменьшилась. Это я тоже видела. Мы тогда завтракали, я спросила Антона, отчего налог ниже, а он сказал про перерасчёт кадастровой стоимости. Я ещё подала ему маслёнку — помню, потому что он опять оставил в ней крошки.

— Сообщения сохранились?

— Не знаю. У нас есть чат с бухгалтером.

— Ищите. Налоги, арендаторы, индексация — всё, чем он объяснял вам деньги.

Истории вспоминаются одна за другой. То арендатор задержал платёж и Антону пришлось «прижать их к стене», то у аптеки сменился управляющий. Обыкновенная хозяйственная скука. Я слушала вполуха, кивала и потому верила особенно легко.

— Три года ещё не прошли? — спрашиваю я. — Или считать надо от продажи?

— Тут не вычитанием дат занимаются. Будем доказывать,

когда вы узнали и могли узнать. Его переводы для нас полезны: человек сам поддерживал у вас уверенность, что помещение сдаётся. Но гарантий всё равно не дам.

Она называет Антона моим мужем. Я машинально поправляю: «бывшим», — и тут же извиняюсь.

— Поправляйте, если хочется, — отвечает Наталья Олеговна. — Я переживу.

Вторая выписка загружается так медленно, что я успеваю встать, налить воды и вернуться. Наконец открывается адрес на Волжской. Напротив правообладателя моя фамилия. Переходов нет.

— Моё, — говорю я и неожиданно смеюсь. — Хоть что-то всё ещё моё.

— Семь месяцев, — напоминает адвокат и тычет ручкой в дату доверенности. — Столько у Антона осталось. Отменим, затем уведомим его и всех, кого найдём по возможной сделке.

— Отменяем.

— Сначала проверю, нет ли уже поданных документов или свежих обременений. И свяжемся с арендатором. У вас есть договор?

Последняя копия лежит в семейном облаке. Пароль Антон менял полгода назад и прислал мне в мессенджере «на всякий случай». Я захожу без проблем. Папки подписаны аккуратно: налоги, страховки, квартиры, коммерция. В разделе «Северная» последний документ датирован месяцем до

продажи. Договора купли-продажи нет.

— Он специально его сюда не положил, — говорю я.

— Возможно. Скачайте всю папку себе, пока доступ не закрыли. Ничего не удаляйте и не меняйте.

Я сохраняю файлы. Во второй папке нахожу договор аренды офиса и телефон директора компании, которая занимает помещение. Звоню. Мужчина представляется Павлом Андреевичем и сразу спрашивает, по какому вопросу.

— Я собственница помещения на Волжской. Хотела уточнить по действующему договору.

— Марина Сергеевна? — Он оживляется. — Антон Викторович предупреждал, что вы можете подключиться к передаче. Мы уже начали собирать документы.

Мы с адвокатом переглядываемся.

— Простите, к чему я должна подключиться?

В трубке сразу становится шумнее. Кто-то просит Павла Андреевича подписать накладную, он отвечает: «Положи, сейчас», — потом прикрывает микрофон. Я слышу шорох и обрывок раздражённого шёпота.

— Наверное, мне не стоило говорить раньше Антона Викторовича, — возвращается он наконец. — Помещение продают. Нам дали до конца месяца на выезд.

— Кто дал?

— Ну… Антон Викторович. Но компенсацию предложил новый владелец. Точнее, его представитель.

Я включаю громкую связь и кладу телефон между собой

и адвокатом. Наталья Олеговна пододвигает лист и пишет крупно: «КОГДА?»

— Когда вы это узнали, Павел Андреевич?

— В пятницу. Мы сначала упёрлись: договор до декабря. Потом сумму назвали нормальную, перевозку оплачивают. Решили не судиться из-за двух месяцев.

В пятницу вечером Антон ел дома котлеты и рассказывал мне про согласование фасада. Потом открыл сайт гостиницы и попросил выбрать номер на ноябрьские. Я даже выбрала — с балконом.

— Договор продажи вы видели?

— Мне зачем? У нас расторжение аренды. Доверенность Антона Викторовича я видел раньше, всё всегда шло через него. Марина Сергеевна, я сейчас понимаю, что вы не в курсе, но…

— Кто покупатель?

— Название не скажу, не помню. Их юрист присылал проект. Подписание завтра, это точно. Про деньги Антон Викторович сказал, что договорились.

Адвокат дописывает ещё два слова: «ВРЕМЯ. КОНТАКТ» — и подвигает лист так близко, что он упирается в мой локоть.

— Во сколько подписание? — спрашиваю я.

— Кажется, после обеда. Точнее не скажу. Марина Сергеевна, у вас с Антоном Викторовичем что-то случилось? Мне приостановить переезд?

— Пока ничего не подписывайте и не освобождайте помещение. Сообщите, если с вами свяжется покупатель или его представитель.

— Но мы уже заказали перевозку. Если сделка сорвётся…

— Компенсацию за ваши расходы обсудим. Пришлите мне все письма и проекты соглашений, которые получали в последние две недели.

Я называю электронную почту адвоката. Павел Андреевич обещает переслать документы, но перед отключением всё-таки спрашивает:

— Антон Викторович в курсе, что вы звоните?

— Нет. И пока не сообщайте ему.

Телефон ложится на стол. Наталья Олеговна уже ищет ближайшего нотариуса, который сможет принять заявление об отмене доверенности сегодня.

— Даже если договор подпишут, переход права ещё регистрируется, — объясняет она. — Но нам лучше не проверять на практике, сколько споров создаст сделка, совершённая на границе отзыва полномочий. Нужно отменить доверенность и успеть уведомить Антона и покупателя до подписания.

— Покупателя мы не знаем.

— Узнаем через арендатора, юриста второй стороны или самого Антона. Главное — начать сейчас.

Я собираю документы, но руки слушаются плохо. Первое помещение Антон продал в прошлом. Второе пока принадлежит мне, однако он уже договорился с покупателем, по-

обещал арендаторам выезд и назначил подписание.

Ещё вчера я спрашивала, что он сделал три года назад.

Сегодня узнаю: он не закончил.

— Какую продажу он мог назначить без единого слова мне? — произношу я, уже зная ответ.

Точно такую же, как развод.

Глава 10. До завтра

Вопрос о продаже остаётся в кабинете вместе с открытой выпиской. Наталья Олеговна звонит знакомому нотариусу, я собираю документы и одновременно пишу Павлу Андреевичу, чтобы он переслал переписку. Рабочий день заканчивается, но в конторе, где выдавали доверенность, соглашаются дождаться нас и поднять копию. Отмену знакомый Натальи Олеговны готов оформить завтра в половине девятого, до начала обычного приёма.

— Паспорт, реквизиты доверенности, телефон Антона, — перечисляет адвокат, застёгивая портфель. — Сегодня забираем копию и готовим уведомления. Утром останется внести отмену и сразу разослать. Едем раздельно. Я пока попытаюсь вычислить покупателя.

Мы выходим в коридор, и телефон вибрирует. Лиза присылает фотографию кремовой карточки с золотыми буквами.

«Мам, папа отправил. Что мне делать?»

Я увеличиваю изображение. Антон Крылов и Вероника Левина приглашают на регистрацию брака и семейный ужин. Через двенадцать дней.

Дата знакома, но я не сразу понимаю откуда. Потом открываю фотографию решения суда. Второе октября. Ровно три года с момента, когда наш развод вступил в силу.

— Они выбрали годовщину, — говорю я.

Наталья Олеговна возвращается от лифта и смотрит на экран.

— Вы уверены, что дата связана именно с этим?

— Пока ни в чём не уверена. Но совпадает день в день.

Я отвечаю Лизе: «Ничего не решай сейчас. Поговорим вечером». Не прошу выбросить приглашение и не спрашиваю, собирается ли она идти. Сама едва стою на ногах от того, как ловко Антон уместил нашу семью в календарь: восемнадцатилетие дочери, тайный развод, три года ожидания, новая свадьба.

Лиза звонит сразу. Вместо приветствия слышу быстрый вдох.

— Он мне не позвонил, мам. Карточка и всё. Ещё написал: «Хочу, чтобы ты была рядом». Я должна сейчас поставить ему сердечко или что?

Я уже открыла машину, но не сажусь. Ключи впиваются в ладонь, сумка сползает с плеча. Наталья Олеговна замечает, что я застряла у двери, и остаётся ждать возле своей машины.

— Ничего не ставь. У тебя сейчас пара?

— Через двадцать минут.

— Иди на неё. Вечером поговорим.

— Ты же не ответила. Мне не идти?

Хочется сказать «конечно». Пусть ни один из наших детей не стоит рядом с Антоном в тот день, когда он женится

на женщине, ради которой освободил дату в своей жизни. Я почти произношу это и вовремя закрываю рот. Лиза любит отца. Это её чувство, я не имею права отбирать его в счёт собственного унижения.

— Я прошу только не решать за десять минут, — говорю наконец. — Ни ради меня, ни потому, что папа торопит.

— Он сказал, свадьба давно готовится. Утром говорил со мной и уже знал, да?

— Похоже на то.

На прощание Лиза шмыгает носом и обещает пойти на лекцию. Я сажусь в машину, пересылаю снимок адвокату и замечаю мелкую строку внизу карточки: ответ нужен до завтрашнего вечера. На решение детям Антон отвёл сутки.

По дороге к нотариусу звонит Роман. Я подключаю гарнитуру и сразу сообщаю про приглашение. Он уже видел такое же у Аси.

— Двенадцать дней, — говорит он. — Вероника утверждает, что зал освободился случайно.

— А дата случайно совпала с моим разводом.

Роман замолкает, потом спрашивает, где я. Услышав о продаже помещения, предлагает приехать.

— Не нужно. Этим занимается адвокат.

— У меня есть люди, которые могут быстро проверить покупателя.

— Роман, это моя недвижимость. Я разберусь законно и без ваших людей.

Он принимает отказ, хотя слышно, что ему трудно не вмешиваться.

— Тогда держите меня в курсе. Я поднял часть поездок Вероники. Есть даты, которые вам стоит увидеть.

— Завтра. Сегодня мне надо успеть спасти то, что ещё не продали.

В нотариальную контору мы вбегаем за восемь минут до закрытия. Молодой нотариус сверяет мой паспорт, находит доверенность в системе и распечатывает копию. Продавать, подписывать договоры, получать расчёт — всё на месте. Наталья Олеговна фотографирует каждую страницу, а сотрудница уже выключает свет в приёмной.

— Завтра отменяем полностью? — уточняет нотариус, передавая мне копию.

— Полностью. И как можно раньше.

Он объясняет порядок: запись об отмене попадёт в единую систему, но Антона и всех известных участников сделки лучше известить отдельно, с подтверждением доставки. Наталья Олеговна назначает встречу на восемь тридцать и открывает на телефоне заготовку уведомления.

В этот момент приходит письмо от арендатора. К нему приложены проект соглашения о досрочном расторжении и переписка с юристом покупателя. В подписи есть фамилия, название компании и номер. В сообщениях находится время сделки: завтра, четырнадцать ноль-ноль.

Наталья Олеговна звонит юристу прямо с лестницы. Пред-

ставляется и предупреждает, что собственница продажу не одобряла, доверенность будет отменена утром, а объект уже стал предметом спора. Я слышу только её половину разговора и короткие гудки после.

— Они требуют подтверждение отмены и официальное заявление, — говорит она. — До утра обещали ничего не подписывать. Этого мало, но фамилию покупателя мы получили.

Я пишу Павлу Андреевичу, чтобы помещение не освобождали. Антону пока не отправляю ничего. Если он поймёт, что мы знаем время и вторую сторону, до утра у него останется несколько часов придумать обходной путь.

В офис адвоката возвращаемся под вечер. Помощница встречает нас с плоской коробкой и говорит, что курьер ждал подпись о получении. На коробке имя Антона.

Внутри лежит проект соглашения, уже подписанный с его стороны. Наталья Олеговна раскладывает листы по столу, я читаю условия.

Дом полностью переходит мне. Антон выплачивает крупную сумму тремя платежами. Берёт на себя оплату последнего курса Лизы и оставляет мне машину. В обмен я отказываюсь от любых требований по имуществу, приобретённому и отчуждённому до настоящего дня.

Предложение настолько щедрое, что на несколько секунд я вижу лёгкий выход. Дом остаётся детям. Денег хватит, чтобы не зависеть от исхода долгого суда. Можно закрыть дверь,

не разбирать каждый перевод и не узнавать, сколько лет Антон готовил эту схему.

— Здесь, — Наталья Олеговна касается ногтем предпоследней страницы.

Я читаю пункт дважды: «Марина Сергеевна Крылова подтверждает, что была осведомлена о расторжении брака с момента вступления решения суда в законную силу и не имеет связанных с этим имущественных претензий».

— Он покупает мою подпись под собственной ложью.

— Именно за эту строчку готов отдать дом и деньги. Подпишете — сами подтвердите, что всё знали и три года добровольно принимали такую схему.

Телефон Натальи Олеговны звонит. Юрист покупателя сообщает: Антон настаивает, что доверенность сейчас действует, задаток внесён и сделка состоится. Покупатель готов ждать только до десяти утра, потом потребует вернуть задаток и возместить расходы.

Даже пауза длится меньше часа. Подпись отложили, но Антон уже связал моё помещение с обязательствами своего проекта и теперь давит чужими деньгами.

— В восемь тридцать отменяем доверенность, сразу отправляем подтверждение покупателю и официально требуем прекратить подготовку, — говорит адвокат. — До десяти у нас полтора часа. Успеем, если никто не устроит сюрприз.

Я смотрю на соглашение. До свадьбы двенадцать дней. До назначенной сделки — меньше суток. До встречи с нотари-

усом осталось чуть больше двенадцати часов.

Экран телефона загорается. Сообщение от Антона приходит первым — значит, о звонке покупателю он уже знает:

«Зря. До завтра, Марин. Потом решу всё без тебя».

Глава 11. Двадцать четыре часа

«Зря. До завтра, Марин. Потом решу всё без тебя».

Я перечитываю сообщение и показываю Наталье Олеговне. Она делает снимок экрана, просит переслать ей весь диалог и снова возвращается к уведомлению для покупателя. На угрозу мы не отвечаем. Анто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.